

Научная статья

УДК 82-09

Способы работы с мифологемами художественного текста

*Лариса Николаевна Кретьова*¹¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются способы работы с мифологемами художественного текста с точки зрения полифункциональности мифологем и их роли в тексте. Обращаясь к понятию «мифологема» и констатируя ее универсальность, автор останавливается на способах работы с мифологемами, к которым относится парадигматический анализ мифологемы, моделирование концептосферы мифологемы, рассмотрение мифологемы как свернутого сакрального текста, анализ сюжетообразующей функции мифологемы, семантический анализ мифологемы с точки зрения синхронии и диахронии.

Ключевые слова: мифологема, функции мифологем, способы работы с мифологемами, концептосфера, парадигматика, семантика

Для цитирования: Кретьова Л. Н. Способы работы с мифологемами художественного текста // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2025. Т. 19, № 1. С. 62–68.

Original article

Ways of working with mythologems in a literary text

*Larisa N. Kretova*¹¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article discusses ways of working with mythologems in a literary text from the point of view of the multifunctionality of mythologems and their role in the text. Turning to the concept of “mythologem” and stating its universality, the author dwells on ways of working with mythologems, which include: paradigmatic analysis of the mythologem, modeling the conceptual sphere of the mythologem, consideration of the mythologem as a folded sacred text, analysis of the plot-forming function of the mythologem, semantic analysis of the mythologem from the point of view of synchrony and diachrony.

Keywords: mythologem, functions of mythologems, ways of working with mythologems, concept sphere, paradigmatics, semantics

For citation: Kretova L. N. Ways of working with mythologems in a literary text. *Topical issues of philology and methods of foreign language teaching*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 62–68. (In Russ.)

Наше неоднократное обращение к рассмотрению понятия «мифологема» и определение роли мифологемы в художественном тексте требует выработки единого алгоритма работы с мифологемой как компонентом художественного текста в аспекте полифункционального изучения рассматриваемого компонента. Мы отмечали ранее, что «обращение

к мифу как к первоисточнику современной литературы связано с тем, что миф относится к древнейшим текстам, в которых отразились мировосприятие народа, уникальность мышления, традиции, культура, религия. С точки зрения Е. Н. Рымаревой и А. В. Себелевой, два самых значимых понятия становятся отправной точкой для рассмотрения ми-

фологического подтекста современной литературы – понятия мифологема и архетип. В частности, устойчивые мифологемы, «“раскрывающие” архетипические смыслы в пространстве и времени, они обладают свойством модификации и могут быть связаны архетипической доминантой» [10, с. 17].

«Универсальность мифологем проявляется в их способности задавать идентичность архетипического сюжета через трансформацию от мифа к мифу, с одной стороны, и через трансформацию мифологемы от мифа к мифу, с другой стороны. Как средство передачи архетипа, мифологема соединяет в себе прошлое, актуализирует настоящее, а при мифотворчестве – задает будущее... Являясь разной реализацией одной и той же сущности, мифологема повторяет ситуацию в разных контекстах, что приводит к ее модификации. Вместе с тем она позволяет сохранять инвариантное ядро, которое представлено архетипом как основой мифологических мотивов и сюжетов» [7, с. 17-18].

Соглашаясь с В. Н. Топоровым в части утверждения, что для каждого этноса характерен свой набор мифологем, мы отмечаем, что наличие универсальных мифологем, не отражающих этнокультурную специфику, также возможно, поскольку время их появления связано с ранним периодом развития народов, когда различия были минимальны, а сходства глобальны, поскольку концентрировались вокруг базовых потребностей личности в еде и продолжении рода. Именно поэтому «мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована» [11, с. 61].

В предыдущей статье, посвященной творчеству Э. А. По, мы обращались к функциям мифологем в художественном тексте. Среди основных были названы: «1) отсылка к мифу как более древнему тексту; 2) задание хронотопа

текста; 3) создание мифологического подтекста произведения; 4) передача модели мироустройства; 5) коммуникативная (диалог между автором и читателем); 6) реконструктивно-мировоззренческая (воссоздание модели мира, религиозных представлений, традиций и т. д.); 8) сюжетообразующая (устойчивое повторение мифологем задает лейтмотив текста); 9) модификация и интерпретация [7] (отсылка к конкретному мифу и вариативность толкований) и др.» [7, с. 18].

В силу названных функций мифологема не только становится амбивалентной единицей конкретного текста, но и создает возможность для образования новых мифологем на базе уже известных.

В связи с изложенным, рассмотрим основные способы работы с мифологемами в художественном тексте.

1. Рассмотрение мифологемы как части мифопоэтической парадигмы. Компоненты мифопоэтической парадигмы имеют ассоциативную связь с мифологическими образами и являются средством создания мифологического подтекста, а также средством обогащения художественного текста дополнительными смыслами. Мифопоэтические парадигмы помогают в создании подтекста произведения благодаря своей способности вызывать в читательском сознании определенные модели, образы, целые культурные традиции.

Мифологема как часть мифопоэтической парадигмы занимает место в системе, вступает в отношения с компонентами системы и либо эксплицирует часть мифологической модели мироустройства, либо называет модель в целом. Так, гидроцентрическая модель мироустройства может быть эксплицирована следующими компонентами текста: озеро, река, вода, ручей, море и т. д.

Модель мироустройства «Мировое древо» представлено через названия пород деревьев, через лексему «дере-

во», через номинации частей дерева (листья). Например, в рассказе О. Генри «Последний лист» представлена именно рассматриваемая модель через номинацию части дерева. С точки зрения мифологической модели мироустройства нарисованный лист на стене относится к кроне мирового древа, он становится знаком помощи болеющей девушке сверху, из мира богов, что не позволяет ей стать частью нижнего мира, мира мертвых. Вместе с тем художник, дорисовавший лист на стене дома, вмешивается в процессы, регулируемые верхним миром, за что и оказывается на месте героини – он умирает и перемещается в нижний мир, мир мертвых.

Принадлежность мифологемы к какой-либо мифопоэтической парадигме, с одной стороны, расширяет границы мифологемы, связывая ее с другими мифопоэтическими парадигмами через сопоставление ее с другими способами задания мифологической модели в контексте всей культуры или ее части, с другой стороны, противопоставлена другим мифологемами внутри парадигмы, задающей зооморфную модель мироустройства, через выявление значения образов других животных как компонентов мифопоэтической парадигмы.

Ярким примером такой двойственной функции мифологемы является, в частности, мифологема «собака». Как часть мифопоэтической парадигмы, описывающей зооморфную модель мироустройства, данная мифологема связана с обозначением нижнего мира, как корни мирового Древа, как ноги в антропоцентрической модели; как часть зооморфной мифопоэтической парадигмы собака противопоставлена, например, корове как животному верх-

него мира, сопоставлена с лошастью как перевозчику из мира живых в мир мертвых и т. д.

С точки зрения Н. А. Кобылко, «в основе каждой мифологемы лежит распределение мира на диады и триады. Осмысление древними людьми общих свойств материального мира происходило через разделение его на две части: верх-низ, правое-левое, светлое-темное и тому подобное. Соответственно, существовали и два противоположных полюса. Главные диады выстраиваются в определенную иерархию: от тех, которые воспринимаются на уровне чувств, – к культурно-социальным образованиям... на более высоком уровне абстракций бинарные оппозиции выступают в роли мифологем» [4, с. 5].

2. Моделирование концептосферы мифологемы. Моделирование концептосферы мифологемы возможно в случае, если мифологема является центром произведения. К проблеме моделирования концептосферы, в частности, обращалась Н. С. Болотнова, рассматривая концептосферу как структуру с разными зонами (ядром, приядерной, ближней периферией и дальней периферией) [2]; В. М. Дмитриенко [1] в своей работе обращается к вопросу моделирования мифологемы и ее структуры в контексте концептуализации русского поэтического дискурса.

Рассмотрим на примере концептосферы слова «счастье» и “happiness”. «Принципы составления структуры концепта “happiness” в английском языке соответствуют принципам составления структуры концепта для русского языка» [6, с. 5], но наполнение модели концептосферы будет отличаться от русскоязычной. Визуализацию англоязычного концепта “happiness” можно увидеть на рисунке.

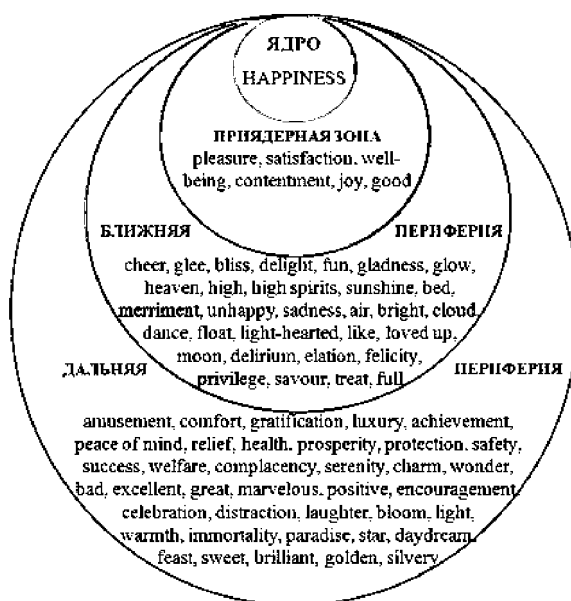

Рис. Структура концепта "happiness"

«В ходе сопоставительного анализа мы также выяснили, что совпадение концептов "счастье" в русском и английском неполное. Например, в русском можно наблюдать слова, связанные со значениями "удача" и "успех", ближе к ядру. Это связано с тем, что в русском языке эти значения выделяются как второстепенные во многих дефинициях и активно употребляются в речи, в то время как в английском значение "lucky" уже считается устаревшим. В русской концептосфере более выражена лексика, связанная с домом, семьей и любовью, в то время как в английской концептосфере много абстрактных понятий, создающих более возвышенный образ счастья: "heaven", "paradise", "moon", "air", "cloud" и так далее» [6].

3. Рассмотрение мифологемы как свернутого сакрального текста. Интертекстуальность мифологемы позволяет нам в процессе работы с ней обращаться к зашифрованным в ней мифам и другим текстам, вытаскивая скрытые смыслы произведения. Как

свернутый сакральный текст выступает, например, текст поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай». Библейский текст о сотворении мира, об изгнании из рая Адама и Евы, о Сатане, о противостоянии сил Бога и сил Сатаны трансформируется в поэтическое повествование о трагедии людей, о противоборстве сил разных миров. Но именно известный текст позволяет говорить о новаторстве Мильтона в вопросе восприятия им Бога и Сатаны. Текст Евангелия становится основой для повествования Мастера в романе «Мастер и Маргарита». Известная история, рассказанная Мастером, является сакральным текстом в силу изложения ее устами Воланда. Перевернутость сил света и тьмы в романе также очевидна: именно Воланд становится помощником Мастера и Маргариты, Понтия Пилата и Иешуа. Относительность добра и зла в мире получает истолкование через трактовку сакрального текста в контексте современного восприятия.

Также свернутый сакральный текст Евангелия представлен в рассказе

О. Генри «Дары волхвов». Обращение к евангельскому сюжету о мудрецах, принесших в дар младенцу Иисусу золото, ладан и смирну, содержит символическое обозначение предназначения Иисуса. Проекция сакрального текста на текст рассказа позволяет сакральному тексту стать средством трансляции христианского мифа, с одной стороны, и средством передачи идеи текста через мифологемы «дар» и «волхвы» – с другой.

4. Анализ сюжетобразующей функции мифологемы. Наличие мифологемы в тексте и ее устойчивое повторение позволяют говорить о ней как о лейтмотиве текста. Например, мифологема «вода» является частью ряда произведений, в частности, поэмы Р.Бенса «Тэм О Шантер». Герой попадает на шабаш ведьм, ведьмы преследуют Тэма, но он пересекает текущую воду (речку), которая становится границей между двумя мирами – миром живых и миром мертвых, и нечистая сила не может перейти водный рубеж. Мифологема «вода» в тексте Э. А. По «Падение дома Ашероу» обозначает очищение дома, очищение рода, а также символизирует нижний мир, в глубины которого отправляется род Ашероу [5].

Средством создания лейтмотива текста становится мифологема «луна» в романе «Мастер и Маргарита»: при луне происходит перемещение Мастера и Маргариты в верхний мир, при луне появляется Мастер в палате Ивана, при луне Понтий Пилат с собакой Банга сидит на берегу и думает о судьбе Иешуа.

5. Анализ семантики мифологемы с точки зрения синхронии и диахронии. Примером также может служить мифологема «вода», которая по словарю М. М. Маковского [8] связана в диахронии с семантикой коллективного бессознательного, с семантикой очищения, с семантикой святости (вспомним кре-

щение водой); вместе с тем вода символизировала зло, смерть, гибель. Идентификация воды с речью позволяет говорить об общности семантики звучания, а общность со значением «кровь» позволяет говорить о воде как аналоге крови в антропоморфной модели мироустройства. Нахождение за водой или за рекой связано с понятием «потусторонний мир», что также позволяет воде разделять миры на мир живых и мир других – неживых. Вода символизировала женское начало, что подтверждается образом Венеры/Афродиты, рожденной из морской пены.

«Вода» происходит от сочетания двух древних корней *ар- /ап/ «веять, орошать (дождем)» и *wed- /уед/ «увлажнять, становиться влажным». От этого же корнесловного сочетания произошли русские слова ведро, выдра. Древнегреческие слова ὕδωρ /удор-/ ὕδατος /удатос/ «вода» явно восходят к корню *wed-, а фригийское βέδω /беду/ «орошать дождем» – к корню *ар-. К корню *wed- восходит латинское hydr- (hydro-) /гидро/ и все его производные. Санскритское слово अपचर /апкара/ «водный зверь» происходит от корня *ар, а उदर /удра/ «выдра» – от другого корня *wed- [3].

Родственны воде английское water /уотер/ «вода»; немецкое Wasser /вассер/ «вода». Словом βέδω /беду/ или /веду/ «орошать дождем» древние греки-фригийцы называли не только воду, но и жизнедающий (βιόδωρος /биодорос/) воздух. Вода – это созданное Богом жилище для духа, который вначале дышит над водой – в воздухе, а затем нисходит и вдохновляет воду, образуя в ней души всего живущего: «Говорят, что фригийцы воду называли βέδω, ведь именно так это слово употребляется Орфеем: И βέδω нимф проливается, чистая вода [3].

Поскольку, согласно Е. М. Мелетинскому [9], общие свойства мифологического мышления универсальны, есть основания утверждать, что поведение мифологем в разных художественных текстах также будут представлять собой универсальный характер, особенно, если мы говорим о текстах, написанных на языках одной языковой семьи. Универсальность мифологем в индоевропейских языках позволяет говорить о сквозном характере мифологем, а также об их полифункциональности в текстах, что и было рассмотрено в настоящей статье.

В этом случае разные способы работы с мифологемами позволяют рас-

смотреть мифологеми как компонент художественного текста с разных точек зрения: как часть мифопоэтической парадигмы, как часть концептосферы текста, как свернутый сакральный текст, как средство задания лейтмотива текста, как часть лексической системы языка в синхронии и диахронии и т. д. Выдвижение на первый план определенного аспекта работы с мифологемами не исключает остальных, что говорит о необходимости комплексного подхода при работе с мифологемами художественного текста.

Список источников

1. Дмитриенко М. В. Мифологема «поэт» и ее концептуальные модели в русском поэтическом дискурсе XIX–XX вв. // Вестник ЧелГУ. 2009. № 27 (165). С. 29–33.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
3. Вода // Словарь Глаголь. URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/voda (дата обращения: 06.10.2024).
4. Кобылко Н. А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конференции (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 4–6.
5. Кртова Л. Н. Типы пространства в рассказах Э. А. По // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2023. Т. 17, № 1. С. 35–41.
6. Кртова Л. Н., Чернобров А. А. Репрезентация концептосферы «счастье» в сказке О. Уайльда «Счастливый принц» // Филология: научные исследования. 2023. № 12. С. 1–19.
7. Кртова Л. Н. Мифологеми в новеллистике Э. А. По (семантический и культурологический аспекты) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2024. Т. 18, № 2. С. 17–23.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. 416 с.
9. Мелетинский Е. М. Общие свойства мифологического мышления. Функциональная направленность мифа. М., 1995. 408 с.
10. Рымарева Е. Н., Себелева А. В. Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угуров: монография. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2021. 81 с.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285.

Информация об авторе

Л. Н. Кртова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет, kretlarisa@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7416>

Information about the author

L. N. Kretova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Language, Novosibirsk State Pedagogical University, kretlarisa@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5257-7416>

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 16.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.